

УДК 947.083.7(571.6):351.761.1

Позняк Т.З.

**"Сухой закон",
региональные власти и население Владивостока
в период Первой мировой войны и Революции 1917 г.**

Интерес к теме введения в Российской империи в 1914 г. запрета торговли спиртными напитками резко усилился в год столетия с начала Первой мировой войны как к одной из проблем, связанной с патриотическим порывом населения. Исследователи отмечают наряду с позитивным эффектом от введения "сухого закона" в России – уменьшением пьянства и уровня преступности, ростом доходов населения – и его неэффективность: населением фактически повсеместно, и в губерниях европейской части страны, и в Сибири практиковались изготовление самогона, бражки, подпольная торговля спиртными напитками, а также употребление различных спиртосодержащих жидкостей – лака, политуры, одеколона, лечебных настоек [6, с. 21–23; 8, с. 152–157; 10, с. 71–72; 11, с. 88–92]. Одним из важнейших негативных эффектов стало падение доходов государства, вызвавшее увеличение налогов [8, с. 155]. Порядок введения "сухого закона" и реакция торгово-промышленных кругов и населения Дальнего Востока на него в годы Первой мировой войны уже рассматривалась исследователями [5, с. 53–58; 13, с. 153–156; 17, с. 202–208], однако авторами затрагивались далеко не все аспекты этой обширной проблемы.

Данное исследование выполнено в рамках истории повседневности, в качестве методологической основы послужили идеи А. Людтке. Его концепция "истории повседневности" – это изучение прошлого через историю повседневных социальных практик в любых сферах жизни общества, тщательное исследование поведения рядовых людей в конкретных жизненных ситуациях. Людке вводит ряд принципиально важных понятий, одно из которых трудно переводимое на русский язык "Eigensinn" – "своеволие" или "своенравное упрямство". А. Людке, изучая неформальные отношения и трудовые практики рабочих Германии 1920–1940-х гг., трактует это своеволие как отстаивание рабочим определённой автономии на рабочем месте, тем самым рабочие оставляли себе пространство и свободу выбора в условиях нарастающего давления властей, включая заводскую администрацию [7, с. 20–23].

Цель статьи показать на примере Владивостока действия региональных властей по обеспечению реализации "сухого закона" и практики обхода населением введённых запретов на торговлю и употребление спиртных напитков. Хронологические рамки исследования – от начала до конца Первой мировой войны (1914–1918), включая революционный год. Действия властей – правительства и региональной администрации – здесь рассматриваются как своеобразный "вызов", нарушивший привычную повседневную жизнь населения, а действия рядовых горожан – как ответ на этот вызов, способ нормализации повседневности, возвращения привычного времяпровождения и источника дохода.

С началом войны 19 июля 1914 г.¹ в Российской империи на время проведения мобилизации был введён запрет на торговлю крепкими спиртными

¹ Все даты в статье даны по старому стилю.

© Позняк Т.З., 2018

ПОЗНЯК Татьяна Зиновьевна, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). E-mail: 777olga777@bk.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-81-01009-ОГН/18 "Повседневная жизнь населения г. Владивостока от Первой мировой до гражданской войны (1914–1922)"

напитками, кроме ресторанов 1 разряда, клубов, собраний и аптек, а в определённом радиусе от призывных участков всех спиртных напитков, включая вино и пиво. Сроком открытия продажи крепких напитков Минфином первоначально было намечено 7, затем 16 августа и 1 сентября. 22 августа 1914 г. продажа спирта, водки и водочных изделий высочайше была прекращена до окончания войны, запрещалась также торговля виноградным вином крепостью свыше 16 % и производство пива крепостью более 3,7 %. Относительно пива и вина в годы войны публиковался целый ряд положений то запрещающих их, то вновь разрешавших на определённых условиях. 27 сентября 1914 г. Николай II утвердил положение Совета Министров о праве земских и городских самоуправлений подавать ходатайства о воспрещении продажи крепких напитков на подведомственной им территории навсегда [12, с. 85–88].

Особенностью Дальнего Востока были более поздние сроки мобилизации. Высочайший указ Правительствующему Сенату о мобилизации в Приморской и Амурской областях (и ряде других регионов) был подписан 1 сентября 1914 г., согласно ему, были призваны на действительную службу нижние чины запаса армии, вызваны с льгот казаки Амурского и Уссурийского казачьих войск, было приказано поставить лошадей, повозки и упряжь [14. 1914. 23 сент.; 15, с. 80–81]. Временно командующий войсками Приамурского военного округа С.С. Саввич телеграммой на места первым днём мобилизации объявил 15 сентября (РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 2. Д. 1164. Л. 9)² [15, с. 81–82].

С началом войны региональные власти увеличили масштабы нормотворчества относительно спиртных напитков, первые регламентирующие документы августа ещё не содержали положений о запрете торговли ими, а касались ужесточения наказания за торговлю спиртным без необходимых документов, а также распития спиртных напитков и появление в пьяном виде в общественных местах. Например, Приамурский генерал-губернатор (далее ПГГ) Н. Л. Гондатти подобные Обязательные постановления издал 4 августа 1914 г. (№ 458) и 1 сентября 1914 г. (№ 529). Первым запрещалось "распитие крепких напитков на улицах, дорогах, площадях и в других открытых местах, в черте усадебной оседлости в селениях и в помещениях крестьянского общественного управления; появление в общественных местах, в черте усадебной оседлости селений и на проезжих дорогах в состоянии явного опьянения; хранение в селениях крепких напитков в помещениях частных лиц в количестве, явно превышающем потребности лиц, населяющих эти помещения", а "владельцам домов в черте усадебной оседлости селений вменяется в обязанность не допускать в принадлежащих им помещениях неразрешённой продажи крепких напитков и о производстве таковой немедленно извещать полицию или сельские общественные власти..." (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 663. Л. 15). Вторым запрещалось "в заведениях всякого рода открытых для публики, без приобретения установленных на питейную продажу патентов, хранение и употребление всяких крепких напитков, хотя бы оные были принесены самими посетителями заведений"; а также хранение и распитие напитков в заведениях, не имеющих патентов, и пр. (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 663. Л. 23). Наказание по этим и последующим постановлениям ПГГ военного времени были однотипными – денежный штраф до 3000 рублей или тюремное заключение до 3-х месяцев; право наложения взысканий за нарушение предоставлялось военным губернаторам Приморской и Амурской областей, Камчатскому и Сахалинскому губернаторам.

Это были только первые месяцы войны, в дальнейшем появлялись все новые распоряжения. Только Комендант Владивостокской крепости, генерал-лейтенант С. С. Саввич за июль-сентябрь 1914 г. издал более двух десятков различных приказов и особых оповещений. Первые его приказы вводили ограничения на работу заведений, где распивались спиртные напитки – № 1 от 19 июля 1914 г. – до 12 часов вечера [15, с. 67]; № 6 от 27 июля 1914 г. – до 11 часов (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 116. Л. 46). И только "особым оповещением по Владивостокскому крепостному району № 8 от 4 августа 1914 года" была запрещена продажа и распитие спиртных напитков во всех ресторанах, клубах, собраниях, столовых, питейных и проч. учреждени-

² РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока.

ях, на станциях железных дорог, шантанах и проч. увеселительных местах, открытых для общественного пользования. Распитие крепких напитков запрещалось и на улицах, площадях, набережных, бульварах, дорогах, в садах и вообще вне жилищ, более того, в крепостном районе нельзя было находиться в нетрезвом состоянии, запрещался "провоз и пронос спиртных напитков из селитебных частей в район крепости" (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 116. Л. 31). Оно не содержало ограничений по срокам действия, оповещение № 10 от 11 августа 1914 г., дополняя предыдущее, запретило "продажу спиртных напитков по 15 августа сего года включительно во всех торговых заведениях, торгующих спиртными напитками на вынос". Подобный же приказ № 13 от 15 августа 1914 г. продлил этот запрет до 1 сентября, разрешив продажу только виноградного вина (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 116. Л. 12, 17).

Судя по годовым отчётам за 1914 г. приставов полицейских частей Владивостока, эти запреты привели к снижению уровня преступности и уменьшению количества пьяных на городских улицах. Пристав 4-й части 3 февраля 1915 г. докладывал полицмейстеру: "Трактиры, рестораны и другие торговые предприятия, производившие торговлю спиртными напитками, закрыты и в данное время некоторые вообще не функционируют, вследствие запрещения продажи спиртных напитков. Со второй половины 1914 г. в виду запрещения на торговлю спиртными напитками количество преступлений и проступков значительно уменьшилось и весьма изредка на улице можно встретить выпившего и то последнее явление происходит только из-за контрабандного привоза спирта из пределов Маньчжурии" (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 139. Л. 2). Пристав 2-й полицейской части в отчёте за 1914 г. писал, что "...с воспрещением продажи спиртных напитков рабочее население пришло в более нормальное состояние. Преступность в цифрах хотя и не убавилась, но имеет уже не такой тяжкий характер, как в предыдущие года, арестное же помещение за это время остаётся совершенно свободным от лиц, задерживаемых до вытрезвления" (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 139. Л. 5об.-6).

Реакция местного населения на нововведение, нарушившее привычный образ жизни, была различной – от полной и безоговорочной поддержки до негласного сопротивления. Местная общественность на волне патриотического подъёма поддержала политику правительства, важнейшим фактором выступало отношение российской интеллигенции к пьянству народа как злу, которое надо искоренять введением начального образования, пропагандой полезного времяпровождения и здорового образа жизни. Общественные организации и думы дальневосточных городов принимали резолюции в поддержку "сухого закона". В конце 1914 – начале 1915 г. думы Владивостока, Благовещенска, Хабаровска и Николаевска-на-Амуре подали ходатайство на имя Приамурского генерал-губернатора об отмене торговли спиртными напитками навсегда" [1. 23 янв.; 2. 27 марта].

Однако многочисленные факты свидетельствовали, что введение сухого закона, если и поддерживалось, то больше в виде ритуальных верноподданнических практик. Как и на всей территории страны, в регионе сразу после введения "сухого закона" стали фиксировать разного рода нарушения его. В Амурской и Приморской областях при проницаемости российско-китайской границы с прекращением производства спиртных напитков на российской территории наблюдался быстрый рост контрабанды спиртных напитков из приграничных районов Маньчжурии, некоторые селения превратили "подвоз спирта в профессию" [5, с. 56-57; 11, с. 102; 17, с. 202-208]. Открытое недовольство выражали владельцы винокуренных заводов и виноторговцы, терпевшие значительные убытки в условиях и без того тяжёлого экономического положения в регионе [2, 2 янв.; 5, с. 55]. Сразу после введения запрета в управы городов посыпались заявления от предпринимателей, торговавших спиртными напитками, на "сложение" или уменьшение трактирных сборов, на снятие недоимок по сборам ввиду убытков и "плачевного" состояния торговли (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 5. Д. 254. Л. 323-323об., 374об.-375).

Война вызвала дополнительные расходы на выплаты жалованья служащим, призванным в войска, помощь беженцам, закупки продовольствия и прочие экстренные нужды. Помощь "терпящим нужду" в виду запрета на торговлю спиртными напитками не была приоритетом для городского самоуправления. Торговцам приходилось выживать самим, и они выживали, де-

монстрируя изобретательность и нежелание соблюдать запреты, приводившие их к разорению. Изобретательность торговцев по сокрытию спиртных напитков не знала предела – их зарывали в землю, прятали на чердаках, в подвалах, размещали не в торговых залах, а в смежных жилых помещениях, но часто просто игнорировали запрет и нелегально продавали алкоголь в столовых, чайных, харчевнях, гостиницах, также изопрённо действовали контрабандисты – провозили контрабанду в специальных поясах, прятали в бочки с квашеной капустой, солёной рыбой и пр.

Находчивость городских обывателей была поистине удивительна: они употребляли суррогаты и китайскую или корейскую водку вместо русской, выезжали на китайскую сторону и потребляли ханшин там, выпрашивали рецепты у врачей и приобретали спирт и вина в аптеке, нелегально производили спиртные напитки на дому и содержали тайные притоны для их потребления и пр. Владивостокская газета "Далёкая окраина" все военные годы была переполнена заметками о нелегальной торговле спиртным в столовых, трактирах, лавках, о составлении протоколов за появление в пьяном виде в общественных местах, об отравлении политурой, денатурированным спиртом, борцом, шпанскими, об обнаружении полицией тех или иных нарушений, что говорит как о масштабах нарушений, так и об интенсивной работе местной полиции [2. 6, 9, 14, янв., 3, 8, 11, 22, 24, 25, 27 февр., 15, 17, 18, 27, 28, 29, 31 марта, 1, 3, 6, 9, 10, 11, 16, 18, 25 апр., 8, 14, 16, 21, 23, 27, 30 мая, 20, 23, 24, 25, 27 июня, 1, 3, 8, 9, 11, 15, 23, 26, 29 июля, 13, 19, 23, 26 авг., 6, 11, 25 сент., 11, 13, 15, 22 окт.].

На практики обхода запретов накладывала отпечаток и такая особенность Владивостока, как присутствие большого числа азиатских мигрантов. Производство китайских и корейских национальных пьянящих напитков – сули, кваксы, ханшина – приняло "промышленные масштабы". В местных столовых и трактирах вместо водки и разведённого спирта стали предлагать сули – бутылка по 1 руб., а её выгонка обходилась в 6-7 коп. [2. 21, 27 мая, 7 июня]. В циркулярном письме и.д. полицмейстера Владивостока Л.П. Тауца от 14 февраля 1915 г. приставам и полицейским указывалось: в городе "развилась продажа корейцами своего национального спиртного напитка, под названием "квакса" ... напиток этот по крепости мало уступает водке и публика, в особенности рабочий люд, довольно охотно покупают кваксу и конечно напиваются". Приставам предлагалось принять "все зависящие меры, чрез посредство чинов наружной полиции, вверенных им участков, к поимке продавцов-корейцев кваксой и торговцев – политурой и лаком без разрешения и привлекать их к ответственности в административном порядке" (РГИА ДВ. Ф515. Оп. 1. Д. 14. 508 Л. 75а-75а об.).

Запасы спиртного в домах и лавках горожан, выявленные в ходе полицейских проверок, потрясают воображение: 10 августа в погребе-кладовой при пашлычной Григолова было обнаружено около 33-х вёдер виноградного вина (в бутылках и баллонах) и чуть больше 1 ведра спирта [2. 12 авг.]. 30 августа из кладовой дома № 213 по Николаевскому проспекту у домовладельца А. Сенжина украли 27 ящиков коньяка [2. 1 сент.]. 30 сентября 1915 г. на углу Китайской и Пекинской улиц задержали ломового извозчика, перевозившего домашние вещи, в них оказались припрятанными 118 бутылок и 57 полбутылок разных вин [2. 1 окт.]. И таких примеров можно привести бесчисленное множество.

Неудивительно, что сухой закон значительной частью населения был встречен весьма прохладно, пьянство в довоенное время в дальневосточных городах было не просто повсеместным явлением и нередко принимало безобразные формы, а воспринималось населением едва ли не в качестве социальной нормы. Можно, конечно, допустить склонность местной прессы к преувеличению, созданию гипертрофированного образа местных обывателей. Позволю себе привести лишь одну цитату из многочисленных публикаций о нравах в дальневосточных городах. Автор "Комар" на страницах газеты "Дальний Восток" весьма нелестно характеризовал нравы Владивостока: "Ну уж и пили мы вчера! – повествует один обыватель другому каким-то хрипловатым "шепотком", явно свидетельствующим, что вышито, действительно, было в надлежащую. Черт знает, как пили и что пили! Водку пили, пиво пили, "медведя" давили, потом опять принялись за водку... На почве таких выпивок, доводящих

человека до полного скотоподобия, и процветают разные местные "Калинки", "Малинки", "Колхиды" и т.п. – где пьяное свинство доходит до своего апогея и ликует в своём безобразии, уже не стесняясь, открыто, – приправленное такими же "пьяными" праностями, в виде свихнувшихся крестьянских баб и солдаток..." [3. 26 февр.].

Региональные власти реагировали на многочисленные нарушения закона введением новых запретов, фактически все военные годы непрерывно издавались все новые постановления, рассылались циркуляры, направленные на борьбу с очередными нарушениями закона. Это напоминало своеобразное "латание дыр", "штопанье прорех": власти издавали постановления, касавшиеся одних нарушений, тут же появлялись другие – и это требовало новых приказов. По ним можно судить об изобретательности населения, стремившегося оставить себе свободное пространство выбора в условиях все усиливавшегося давления государства и ухудшающихся условий жизни.

28 августа 1914 г. Военный губернатор Приморской области (далее ВГПО) А. Д. Сташевский разослал на места циркуляр № 49584, где указывал, что в области "сильно развита тайная продажа крепких напитков населению и нижним чинам" и требовал для "искоренения зла... должностным лицам... учредить самое строжайшее наблюдение за недопущением ввоза и распространения среди населения и нижних чинов контрабандного спорта и других крепких напитков. ... принять самые энергичные меры к прекращению вообще корчемства среди населения и тайной продажи спиртных напитков... Виновных в распространении тайной продажи крепких напитков немедленно задерживать и доносить мне для наложения взыскания" (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 1. Д. 66. Л. 96).

Обязательное постановление ПГГ от 13 ноября 1914 г. № 701 запрещало отпуск из аптек, аптекарских магазинов и торговых заведений древесного спирта и спиртового лака; постановлением от 9 января 1915 г. № 1 к ним была добавлена политура. Продажа технических средств допускалась только по предъявлении покупателями удостоверения от полиции, свидетельствующего, что они необходимы "для хозяйственных или техническо-промышленных целей" (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 1. Д. 14. Л. 67; Ф. 702. Оп. 1. Д. 663. Л. 27, 28.); его же постановление от 2 сентября 1915 г. № 9 запрещало "изготовление, приобретение, сбыт и хранение предметов, специально приспособленных для переноса тайным образом спирта и вообще спиртных напитков" [15. 1915. 8 сент.] (РГИА ДВ. Ф. 7 02. Оп. 1. Д. 663. Л. 37).

В январе 1915 г. власти обратили внимание на повсеместную продажу спиртных напитков из аптек. 13 января 1915 г. ПГГ сообщил военному губернатору Приморской области, что "аптеки и аптекарские магазины отпускают в неумеренном количестве спиртные напитки, сделав их предметом торговли". 18 января губернатор сделал "надлежащее указание правительственным гражданским врачам, владельцам и управляющим аптек области". Однако, видимо, оно не принесло должного результата, потому что генерал-губернатор повторил своё требование 23 января, а губернатор в циркуляре от 9 февраля 1915 г. распорядился аптекам, аптекарским складам и магазинам отпуск спиртных напитков, выписку винного спирта врачами для больных по рецептам ограничить 50 гр. для внутреннего употребления и 100 гр. для наружного для одного больного; прочих вин, перечисленных в аптекарской таксе, – 400 мл. Приобретение из складов и магазинов аптеками вин и спирта производилось исключительно по удостоверениям Врачебного управления. В прошениях о разрешении приобрести нужное аптеке количество вина и спирта, подаваемых во Врачебное отделение Приморского областного правления, аптекари должны были указать, когда в последний раз, сколько именно было разрешено приобрести и каких именно напитков, куда и сколько их израсходовано и сколько имеется на лицо к моменту подачи прошения. Аптеки должны были завести "особую материальную книгу прихода и расхода спиртных напитков" и представлять её ежемесячно между 1–5 числом в г. Владивостоке во Врачебное Отделение областного правления, в прочих городах городовым, а в уездах уездным врачам, вместе с рецептами и другими документами на просмотр соответствия записи расходам. Аптекам запрещалось "отпускать вина и спирт по каким-либо запискам врачей", только по рецептам (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 1. Д. 14. Л. 75).

ли последнее с торговым залом непосредственное сообщение" (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 1. Д. 79. Л. 111-111об.).

Этот шквал приказов создаёт стойкое ощущение, с одной стороны, что власть уповала на рассылаемые бумаги и приказы как на меру, которая могла как-то исправить ситуацию, с другой – осознание бессилия власти в борьбе с практиками сопротивления населения. Издание многочисленных распоряжений, посвящённых борьбе с нарушителями сухого закона, не было исключительным явлением, а вероятно, лишь одним из проявлений усилившейся бюрократизации. Бесконечные отчёты и ответы на запросы вышестоящих инстанций требовали от полицеймейстеров и полицейских приставов значительного времени, которое приходилось отнимать от реальной борьбы с нарушителями и преступниками. Так что остаётся большим вопросом, что было причиной неэффективности – низкий уровень исполнительской дисциплины или невозможность выполнить колоссальный объем работы?

Среди населения было немало местных общественных деятелей и рядовых обывателей, поддерживавших введение "сухого закона". На страницах местной прессы регулярно появлялись публикации о вреде пьянства, положительном воздействии сухого закона на здоровье и "нравственное состояние нации" [2. 22 июня]. Безымянный автор статьи "Борьба с зелёным змием" признавал, что "местами горько пьют древесный и денатурированный спирт, политуру, одеколон, кислушку (из мела), настойки из одурманивающих грибов, практикуют домашнюю варку пива... отравляются кое-где и другими суррогатами, ищут выхода в игре в карты, которая по свидетельству наблюдателей народной жизни, получает широкое распространение..." и подчёркивал острую необходимость просветительства среди населения о вреде алкогольных напитков [2. 15 янв.].

У полиции появились добровольные помощники в борьбе с торговлей спиртными напитками: среди делопроизводительной переписки немало встречается обращений горожан, указывавших на нарушителей и требовавших их наказать. В конце июля 1915 г. на имя Коменданта крепости гор. Владивостока поступило анонимное письмо: "... В крепости у Вас идёт тайная, но и вполне явная торговля спиртными напитками. До того явная, что даже пьяница приводит в смущение. Городской сад "Веранда" каждому посетителю предлагают водку и другие напитки, подают в бутылках из под Ситро, берут два руб. за бут., коньяку 8 руб. Счётов теперь не дают так как их нужно оплачивать марками, записи делают на бумаге. Торгует буфетчик и на вынос, склад видимо при саде. Сидит тут же и околоточный, но он ничего (старается) не видеть, ведь им это очень выгодно. Лакей заявляет, что два раза попались, но выкрутились "ничего". В саду "Италия" идёт, как и в городском саду, торговля вином во всех шашлычных подвалах. Номера Ефимова (бывшие) по Китайской улице, склад вина. Ресторан "Золотой Рог" пожалуйста сколько угодно. А вот и мелкое учреждение для солдатиков. Лавчонка против трамвайного парка. Солдат обирают, за стаканчик один руб. Офицерство особенно пользуется большим доверием в этих садах, т.к. не опасно, положиться можно. Если зайти на веранду и подойти к столику офицера, то пожалуйста что угодно найдёте, а от суда (отсуда) взяв 2-3 полбутылки идут в шантан (где между прочим Вам ничего не дадут спиртного, но вносят не препятствуют) и идёт там веселье, а иногда и безобразия. ... Не повторились ли бы Московские дела у нас в крепости. Вино обогащает 10 подлецов, но и возбуждает 1000" (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 141. Л. 45.). Это письмо комендант переслал губернатору области, который в свою очередь распорядился произвести расследование и внезапные обыски во всех заведениях, указанных в переписке, а о результатах доложить (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 141. Л. 45об.). Среди архивных материалов по сухому закону выявлены не только анонимные, но и подписанные письма с требованиями прекратить пьяные безобразия в ресторанах и шашлычных и подозрения в подкупе полицейских чинов, которые закрывают глаза на творящиеся безобразия (РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 1. Д. 14. Л. 278-279об.).

После Февральской революции 1917 г. Временное правительство оставило в силе все ограничения, действовавшие в рамках сухого закона. Постановлением Временного правительства 27 марта 1917 г. была запрещена повсеместно в России продажа "для питьевого потребления крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ из каких бы припасов

и материалов и какими бы способами эти напитки и вещества ни были приготовлены" [16, с. 115-117]. Во Владивостоке, как и других городах, борьбу с торговлей спиртными напитками и пьянством взяли на себя Комитет общественной безопасности, исполком Совета рабочих и солдатских депутатов, органы городского самоуправления. Они публиковали воззвания к населению, в дополнение к общероссийским распоряжениям издавали местные нормативные документы, направленные на борьбу с контрабандой спиртных напитков, торговлей и употреблением их. На третьем заседании КОБа Приморской области 7 марта 1917 г. было принято решение о создании секции по борьбе со спиртными напитками. 15 марта 1917 г. на страницах "Известий КОБа Приморской области" было опубликовано воззвание этой секции к населению. В дальнейшем КОБ ещё не раз поднимал вопросы борьбы с пьянством [4, 12, 15 марта, 3 мая].

Октябрьский переворот в Петрограде привёл к массовым пьяным пограмм, разгулу анархии, преступности и вынудил большевиков принимать экстренные меры для борьбы с этим явлением. Несмотря на существовавший запрет, власть столкнулась с пьяными погромами, принявшими в некоторых регионах масштабы катастрофы, деморализация власти привела к пьяной вакханалии [9, с. 196-206; 10, с. 73]. Большинство мер СНК были нацелены не столько на борьбу с пьянством и производством спиртных напитков, сколько с пьяными погромами, спекулянтами, крестьянами, уклонявшихся от сдачи зерна государству и пускавшими его на производство самогона.

На Дальнем Востоке в период с октября 1917 г. и до июля 1918 г. наряду с Советами продолжали действовать запрещённые на территории, подконтрольной СНК, земские и городские самоуправления. В отношении торговли и употребления спиртных напитков в регионе действовали законы Временного правительства и издавались местные нормативные акты. 30 ноября 1917 г. Владивостокская городская дума издала "согласно ст.108 Городового Положения п.п. 17, 26 и 28" два обязательных постановления "О ликвидации оставшихся на водочных заводах и в торговых заведениях всех водочных изделий и спиртовых морсов (настойки)" и "По борьбе с пьянством в гор. Владивостоке". Первым предлагалось "всем владельцам спирта и водочных изделий в городе Владивостоке в течение одного месяца со времени опубликования означенного распоряжения хлебное вино в 40 % в розливе, водочные изделия (коньяки, ликёры, наливки, настойки) вывезти для продажи или на хранение за границу в Японию со сложением акциза при соблюдении акцизных и таможенных формальностей; спирт же и хлебное вино в 40 %, хранящееся в бочках, передать в склад секции для денатурирования по цене, установленной Правительством для конфискованных напитков 8 коп. за градус со сложением акциза или денатурировать их на местах в своих складах с обязательством продажи такового, установленной Городскою Управою". В случае неисполнения распоряжения к указанному сроку, спирт и хлебное вино в 40 % реквизируются для денатурации; водочные же изделия уничтожались "без всякого вознаграждения от казны" (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 767. Л. 32).

Второе постановление запрещало продажу "спиртных и спиртосодержащих напитков в трактирных заведениях, ресторанах, бильярдных, шашлычных, в залах общественных собраний, театрах, кофейных и других заведениях, открытых для посещения публики", в случае обнаружения продажи, хранения и распития нарушителям грозила конфискация напитков и закрытие заведений (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 767. Л. 33, 36). С объявлением себя единственной властью во Владивостоке 25 января 1918 г. Исполком Советов рабочих и солдатских депутатов издал постановление, в котором говорилось, "что лица, занимающиеся продажей спиртных напитков, предаются суду с конфискацией имущества" (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 808. Л. 149).

Нововведением революционного времени стало образование в городе Секции по борьбе со спиртными напитками при КОБе, затем Комиссии и летучего отряда по борьбе с пьянством во главе с Бадариным, подчинявшихся Исполкому Совета. Летучий отряд выявлял нарушителей среди торговцев, содержателей ресторанов и столовых, составлял протоколы и представлял их в Исполком Совета, проводил облавы, реагировал на сигналы населения. Владивостокский Совет рабочих депутатов предлагал начальнику городской милиции в случае обнаружения нарушений лиц, занимавшихся продажей

спиртных напитков, предавать суду с конфискацией имущества, а рестораны и столовые "немедленно конфисковать и передать со всем инвентарём в распоряжение Областного Комитета Биржи Труда для устройства в них дешёвых столовых, крайне необходимых для безработных и беднейшего населения города" (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 808. Л. 149-149об.). Несмотря на смену правительства, население продолжало игнорировать запреты, распивало спиртные напитки не только в ресторанах, трактирах, торговавших ими нелегально, но и устраивало тайные притоны в частных квартирах, на борту пароходов, стоявших на рейде (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 808. Л. 62-62об.).

Введение сухого закона на Дальнем Востоке, как и в стране в целом, наряду с его масштабным одобрением в виде верноподданнических телеграмм благодарности, многочисленных собраний с резолюциями поддержки, постановлений городских дум о запрете торговли спиртным навсегда, встретило и сопротивление населения – часто не проговариваемое, но от этого не менее действенное. Мера, направленная на уменьшение погромов и беспорядков в военное время, привела к сохранению пьянства с замещением привычных спиртных напитков суррогатами, контрабанде и нелегальному производству спиртных напитков. Лишение русского человека традиционного средства релаксации, предпринимателей – доходов, а казны – значительных финансовых поступлений в условиях военного времени было явно непродуманным решением имперской власти. Свершившаяся революция и приход к власти Временного правительства, а затем Совнаркома мало что изменило в отношении сухого закона и его нарушений: власть продолжала запрещать, население нарушать. Предприниматели Владивостока продолжали изготавливать, нелегально ввозить из заграницы, хранить и продавать, городской обыватель и военные всех родов войск – употреблять спиртные напитки. Население в условиях нарастающего давления власти оставляло себе свободное пространство выбора, препятствовало вторжению регламентирующих норм в свою жизнь, постоянно изобретая все новые способы обхода запретов. Подобное поведение рядового обывателя, скорее всего, было не сознательным протестом против власти и её требований, а бессознательным способом нормализации повседневности, стремлением жить обычной жизнью с привычными радостями и удовольствиями, своеобразным своеволием, протестом против ухудшающихся условий жизни, дороговизны, жестокости войны, стресса. Представители же власти демонстрировали стойкое непонимание бесполезности вала приказов, если надзор за их исполнением полиция и сменившая её милиция не могли осуществлять в виду малочисленности штатов, загруженности бумажной работой и многочисленности, даже тотальности, нарушений. Введение сухого закона в России и повседневные практики сопротивления населения этому нововведению являются прекрасной иллюстрацией невозможности директивного и быстрого изменения привычного образа жизни.

Литература

1. Амурский лиман. Николаевск-на-Амуре, 1915.
2. Далёкая окраина. Владивосток, 1915.
3. Дальний Восток. Владивосток, 1895.
4. Известия Комитета общественной безопасности Приморской области. Владивосток, 1917.
5. Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 1999. 365 с.
6. Казаковцев С.В. Вятская губерния в 1914-1917 гг.: война, власть и население // Новый исторический вестник. 2009. № 2 (20). С.18–25.
7. Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: РОССПЭН, 2010. 271 с.
8. Мак-Ки А. Сухой закон в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России: 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война: Материалы международного научного коллоквиума. СПб., 1999. С. 147–159.
9. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. 632 с.
10. Николаев А.В. Антиалкогольные кампании XX века в России // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 67–78.
11. Обзор Приморской области за 1914 год. Владивосток, 1916. 106 (79) с.

12. Пашков Е.В. Антиалкогольная кампания в России в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2010. № 10. С. 80–93.
13. Позняк Т.З. Динамика общественных настроений в городах российского Дальнего Востока в годы Первой мировой войны // Вглядываясь в прошлое: Мировые войны XX века в истории Дальнего Востока России. Владивосток: ДВО РАН, 2015. С.136–169.
14. Приамурские ведомости. Хабаровск.
15. Приамурское генерал-губернаторство в годы Первой мировой войны: штрихи времени, голоса современников. Документы и материалы. Владивосток: РГИА ДВ, 2014. 279 с.
16. Сборник указов и постановлений Временного правительства. Петроград, 1917. Вып. 1. 27 февраля – 5 мая 1917 г. 555 с.
17. Устюгова О.А. Контрабандная торговля спиртными напитками на Дальнем Востоке накануне и в годы Первой мировой войны // Дальний Восток России и страны Восточной Азии накануне и в годы Первой мировой войны. Владивосток, 2016. С. 202–208.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Amurskij liman. Nikolaevsk-na-Amure, 1915.
2. Dalyokaya okraina. Vladivostok, 1915.
3. Dal'nij Vostok. Vladivostok, 1895.
4. Izvestiya Komiteta obshhestvennoj bezopasnosti Primorskoj oblasti. Vladivostok, 1917.
5. Ikonnikova T.YA. Dal'nevostochnyj tyl Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny. Khabarovsk, 1999. 365 s.
6. Kazakovtsev S.V. Vyatskaya guberniya v 1914-1917 gg.: vojna, vlast' i naselenie // Novyj istoricheskij vestnik. 2009. № 2 (20). S.18–25.
7. Lyudtke A. Istoriya povsednevnosti v Germanii: Novye podkhody k izucheniyu truda, vojny i vlasti. M.: ROSSPEHN, 2010. 271 s.
8. Mak-Ki A. Sukhoj zakon v gody Pervoj mirovoj vojny: prichiny, kontseptsiya i posledstviya vvedeniya sukhogo zakona v Rossii: 1914–1917 gg. // Rossiya i Pervaya mirovaya vojna: Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma. SPb., 1999. S. 147–159.
9. Narskij I.V. ZHizn' v katastrofe: Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg. M., 2001. 632 s.
10. Nikolaev A.V. Antialkogol'nye kampanii XX veka v Rossii // Voprosy istorii. 2008. № 11. S. 67–78.
11. Obzor Primorskoj oblasti za 1914 god. Vladivostok, 1916. 106 (79) s.
12. Pashkov E.V. Antialkogol'naya kompaniya v Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny // Voprosy istorii. 2010. № 10. S. 80–93.
13. Poznyak T.Z. Dinamika obshhestvennykh nastroyenij v gorodakh rossijskogo Dal'nego Vostoka v gody Pervoj mirovoj vojny // Vglyadyvayas' v proshloe: Mirovyje vojny XX veka v istorii Dal'nego Vostoka Rossii. Vladivostok: DVO RAN, 2015. S.136–169.
14. Priamurskie vedomosti. Khabarovsk.
15. Priamurskoe general-gubernatorstvo v gody Pervoj mirovoj vojny: shtrikhi vremeni, golosa sovremennikov. Dokumenty i materialy. Vladivostok: RGIА DV, 2014. 279 s.
16. Sbornik ukazov i postanovlenij Vremennogo pravitel'stva. Petrograd, 1917. Vyp. 1. 27 fevralya – 5 maya 1917 g. 555 s.
17. Ustyugova O.A. Kontrabandnaya trgovlya spirtnymi napitkami na Dal'nem Vostoke nakanune i v gody Pervoj mirovoj vojny // Dal'nij Vostok Rossii i strany Vostochnoj Azii nakanune i v gody Pervoj mirovoj vojny. Vladivostok, 2016. S. 202–208.

Позняк Т.З. "Сухой закон", региональные власти и население Владивостока в период Первой мировой войны и Революции 1917 г.

Статья посвящена деятельности региональной администрации по введению в действие "сухого закона" и повседневным поведенческим практикам рядовых горожан, направленным на обход, игнорирование введшихся запретов на торговлю и употребление спиртных напитков. Введение новых запретов и ужесточение наказаний, призванных прекратить нарушения, не приводило к ожидаемым результатам, а вызывало лишь новые способы обхода запретов. Население Владивостока продолжало изготавливать, нелегально ввозить из-за границы, хранить, продавать, употреблять спиртные напитки. Подобное поведение, скорее всего, было не сознательным протестом против власти и её требований, а бессознательным механизмом нормализации повседневности, попыткой сохранить привычную жизнь с привычными радостями и удовольствиями, своевольным упрямством, обеспечивавшим свободу выбора в условиях нарастающего давления власти, своеобразным протестом против ухудшающихся условий жизни, дороговизны, жестокости войны, стресса.

Ключевые слова: *сухой закон, Первая мировая война, революция 1917 г., история повседневности, Владивосток, полиция, региональная администрация, общество*

Poznyak T.Z. The Prohibition of alcohol, regional authorities and the population of Vladivostok during the World War I and the Russian Revolution 1917

The article is devoted to the regional administration activities on the implementation of the Prohibition of alcohol and everyday behavioral practices of ordinary citizens, aimed at circumventing, ignoring the imposed prohibitions on trade and consumption of alcoholic beverages. The introduction of new bans and tightening of punishments designed to stop violations did not lead to the expected results, but it was caused only new ways of circumventing bans. The population of Vladivostok continued to produce, to illegally import, to store, to sell, and to drink alcoholic beverages. Such behavior, most likely, was not a conscious protest to the authorities and their demands, but an unconscious mechanism for the normalization of everyday life, an attempt to preserve the familiar life with customary joys and pleasures, self-willed stubbornness, providing freedom of choice in the face of mounting power pressure, a kind of protest deteriorating living conditions, high cost, cruelty of war, stress.

Key words: *Prohibition of alcohol, World War I, Russian Revolution of 1917, the history of everyday life, Vladivostok, regional administration, policy, society*

Для цитирования: Позняк Т.З. "Сухой закон", региональные власти и население Владивостока в период Первой мировой войны и Революции 1917 г. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 3. С. 61–71. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-3/61-71

For citation: Poznyak T.Z. The Prohibition of alcohol, regional authorities and the population of Vladivostok during the World War I and the Russian Revolution 1917 // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 3. P. 61–71. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-3/61-71

